

Алексей
Виноградов

ОБЛОМКИ
ПРАВДЫ

18+

Алексей Вениаминович Виноградов

Обломки правды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72470386

SelfPub; 2025

Аннотация

Молодой и амбициозный бизнесмен Виталий Александров погибает под обломками рухнувшего старого балкона. Полиция списывает это на несчастный случай. сестра погибшего, Алёна, чувствует неладное.и обращается к частному детективу Марии Покровской. Расследование приводит ее в темные деловые аферы Виталия и к семейным секретам, которые кто-то предпочел бы навсегда похоронить под обломками прошлого.

Алексей Виноградов

Обломки правды

Глава первая

Дождь в тот вечер был противным, мелким и насквозь промораживающим. Он не лился стеной, а висел в воздухе холодной пылью, превращая огни фонарей в размытые желтые пятна. Именно этот мерзкий осенний дождь заставил пса по кличке Барни свернуть с обычного маршрута и юркнуть в проулок между двумя ветхими, почерневшими от времени и сырости домами. Хозяин, дядя Миша, потянул за поводок.

– Барни, куда прёшь? Нечего тут нюхать, грязь одна.

Но Барни, обычно послушный лабрадор, на этот раз проигнорировал команду. Он уперся лапами в скользкую брусчатку, вздыбил шерсть на загривке и издал низкий, протяжный вой, от которого по спине дяди Миши пробежали мурашки. Пес рванулся вперед, к груде битого кирпича и искореженного металла, сваленной у стены самого расселенного дома.

– Да что ты, ошалел? – буркнул старик, позволив поводку выскользнуть из рук.

Барни яростно заскреб лапами по мокрым обломкам, разбрасывая осколки стекла и щепки. Дядя Миша, спотыкаясь, подошел ближе, ругаясь на вздорного пса. И замер. Из-под груды бетонных плит и ржавой арматуры торчала рука.

Кисть была изящной, с дорогими часами на запястье. Часы все еще тикали, их стрелки светились в сумерках ядовито-зеленым светом, показывая без двадцати девять. Бледные пальцы сжимали ручку зонта-трости, черного, с серебряным набалдашником в виде головы ястреба.

Дядя Миша отшатнулся, сердце заколотилось где-то в горле. Он посветил телефоном на завал. Свет фонарика выхватил из темноты край дорогого пальто, пятно темнее воды на камнях и неестественно вывернутый угол плеча. Через сорок минут у проезда, перегороженного оранжевыми конусами, стояли две патрульные машины с мигалками, отражавшимися в лужах. Дежурная группа осмотра уже растянула над местом происшествия брезентовый тент, пытаясь укрыть и тело, и себя от назойливого дождя.

Майор Семенов, высокий, чуть сутулый мужчина с усталым лицом, стоял под своим собственным зонтом и курил, втягивая дым с глубокой, профессиональной отрешенностью. Его взгляд скользил по фасаду.

Дом был уродливым памятником запустению. Окна зияли черными дырами, стекла в них давно повыбивали. Стены покрывали слои граффити и осыпавшейся штукатурки. На уровне третьего этажа зияла рваная рана – от стены отломился и рухнул вниз целый балкон. Теперь на его месте торчали, как ребра мертвого животного, обломки плиты и ржавые прутья арматуры.

– Ну что, герои? – Семенов обратился к криминалисту,

который выбирался из-под тента, отряхивая колени.

– Предварительно все очевидно, Игорь Васильевич. Балкон старый, держался на честном слове. Крепления сгнили насквозь, видите? – криминалист показал на торчащие из стены крючья. – Человек вышел, конструкция не выдержала. Полетел вниз вместе с ним. Смерть мгновенная, от множественных травм.

Семенов кивнул, подошел к краю завала, заглянул под брезент. Мельком увидел лицо. Молодое, даже красивое, теперь искаженное гримасой последнего удивления и залитое багровыми подтеками. Дорогая одежда, часы. Не местный бомж, явно.

– Документы?

– Вот.

Криминалист протянул прозрачный пакет с кожаным портмоне.

– Виталий Игоревич Александров. Тридцать два года. Прописка в центре, в элитном доме.

Семенов свистнул сквозь зубы.

– Что черт занес его сюда? Район не его уровня.

– Сокращал путь, наверное. Дождь же. Видите, зонт в руке. Шел, укрылся в нише под этим балконом от дождя, а тот – хлоп. Не повезло человеку.

Семенов еще раз окинул взглядом мрачный фасад, покосившиеся двери с заколоченными досками, груды мусора у подножия. Картина была ясной, как этот промозглый вечер.

Грустной, нелепой, но ясной.

– Ладно, – вздохнул майор, отходя от завала и доставая блокнот. – Оформляем как несчастный случай. Ветхость конструкции, нарушение техники безопасности... Хотя какая тут техника безопасности, – он махнул рукой в сторону дома. – Сносить его давно пора. Сам виноват, чего по таким трущобам шляется.

Он сделал первую запись в деле: «Предварительная версия – несчастный случай». Дождь застучал по брезенту настойчивее, словно торопя закончить с этой мрачной процедурой. Городская машина по переработке нелепостей и трагедий делала свой первый, предсказуемый виток. Экипаж скорой, убедившись, что их помощь уже не требуется, сворачивал носилки. Санитары курили в сторонке, негромко перебрасываясь фразами. Один из них, молодой парень с усталым лицом, бросил взгляд на тело, которое уже готовились грузить в черный мешок.

– Богатый лох, – равнодушно констатировал он, затягиваясь. – Идет себе такой, думая о миллионах, а на него с неба балкон. Ирония.

Его напарник, выдавший виды мужчина лет сорока пяти, хмыкнул:

– С неба-то не с неба. Он прямо под ним стоял. Идиотом надо быть. Все эти дома под снос – хлам один. Только самоубийцы или полные придурки под ними ходят.

Майор Семенов услышал эту реплику и нахмурился.

Мысль была та же, что и у него. Что заставило успешного бизнесмена, человека, явно ценящего комфорт и безопасность, выбрать этот гиблый переулочек? Карта на телефоне показывала десяток более удобных и освещенных маршрутов до его дома. Он подошел к дяде Мише, который все еще нервно теребил поводок Барни. Пес успокоился и теперь скуллил, уткнувшись мордой в колено хозяина.

– Вы его первым увидели? Расскажите подробнее.

– Да я уже все сказал вашему сержанту... – залепетал старик. – Барни мой понюхал, завыл... Я светил телефоном, а он... он...

Мужик сглотнул, косясь на тент.

– Страшно, да еще в такую погоду. Как с того света глядит.

– А вокруг никого не было? Ничего подозрительного не заметили? Может, кто убегал, шум был?

Дядя Миша задумался, с морщив лоб.

– Шум? Да вроде нет... Только перед самым этим, минут за пять, может, слышал какой-то хруст, глухой такой... Я подумал кошка на мусорке копается или что-то упало. Обычно тут тихо, как на кладбище. Всех отсюда давно переселили.

Семенов кивнул, делая пометку в блокноте. «Кошки на мусорке». Версия с несчастным случаем обростала бытовыми, неудобными деталями, становясь еще правдоподобнее. В это время один из оперативников, обыскивавший карманы погибшего, подозвал майора.

– Игорь Васильевич, гляньте.

В руке у него был второй прозрачный пакет. В нем лежал мобильный телефон Виталия Александрова. Треснувший экран все еще слабо светился, улавливая капли дождя на пакете. На заставке – улыбающаяся темноволосая женщина и сам Виталий, загорелый и счастливый, на фоне гор.

– Последний входящий звонок, – оперативник показал на дисплей, – за полчаса до... ну, вы поняли. В девять вечера. С приватного номера.

Семенов взял пакет в руки, внимательно разглядывая экран. Одно сообщение в мессенджере, пришедшее уже после того рокового звонка. Непрочитанное. Отправлено без четверти десять. От того же приватного номера. Он состоял из одной строчки, которая резанула глаз своей несообразностью на фоне всей этой грязи и разрушения: «Жду на месте. Не подведи».

Глава вторая

Звонок раздался в три часа ночи. Пронзительный, настойчивый, разрывающий ткань сна. Алёна глупо потянулась к тумбочке, смахнула телефон, не глядя на экран.

– Алло? – голос был хриплым от сна.

В трубке повисла тяжелая пауза, и ее молчание стало ледяной иглой, пронзившей сердце. Потом тихий, сдавленный голос Ольги, жены Виталия:

– Алёна... это я. С Виталием... случилось несчастье.

Алёна резко села на кровати. Темнота за окном казалась вдруг пустой и враждебной.

– Что? Что случилось? Он в больнице? – слова вылетали пулеметной очередью.

Еще пауза. Потом тихий, надтреснутый звук, похожий на всхлип, но без слез. Словно Ольга читала по бумажке, заученную наспех фразу.

– Его нет. Он погиб. Сегодня вечером. Упал балкон... на него... на него упал балкон в том старом районе, знаешь, где расселенные дома...

Мир не замедлил ход. Он просто рухнул, как тот самый балкон. Звук голоса Ольги превратился в отдаленный гул. Алёна сжала телефон так, что костяшки пальцев побелели.

– Ты... что? – это было все, что она смогла выдавить из себя.

– Несчастный случай. Полиция уже тут... были... Я не знаю, что делать, Алёна...

И тут лед в груди Алёны треснул, уступая место внезапной, ослепляющей ясности. Она не кричала, не рыдала. Ее голос стал тихим, металлическим, абсолютно четким.

– Это не случайность.

– Что? – Ольга опешила.

– Я сказала, это не несчастный случай. Это не могло быть несчастным случаем. Где именно? На какой улице?

– На Пересветова... тот старый дом номер 15 по переулку... Но Алёна, полиция сказала...

– Что он там делал? – перебила ее Алёна, уже спуская ноги с кровати и нащупывая тапочки. – Он же ненавидел эти за-

дворки! Он всегда объезжал их за три версты на своем мерседесе! Он говорил, что там одна грязь и бомжи!

Ее мозг, отказываясь принимать горе, с лихорадочной скоростью начал выстраивать логическую цепь. Карта города всплыла перед ее глазами.

– С работы он ездил через центр, по набережной. Даже в час пик. Это дольше, но он всегда так делал. Он говорил, что ему нужно «видеть красивые виды, а не помойки». Что он делал на Пересветова?!

– Я не знаю... Может, путь сокращал? Шел дождь...

– Нет! – это прозвучало почти как удар. – Вчера у него была встреча с инвесторами в клубе «Берлога».. Оттуда до дома на Пречистенке – прямая дорога по Садовому кольцу или через бульвары. Пересветов переулок – это в другую сторону! Это километра полтора-два лишних! Зачем ему туда идти? Под дождем?!!

Ольга молчала в трубку. Слышно было только ее неровное дыхание.

– Там что-то не так, – прошептала Алёна, уже натягивая джинсы дрожащими руками. – Ольга, ты меня слышишь? Там что-то нечисто. Моего брата убили. Я это знаю. Я это чувствую каждой клеткой.

Она бросила телефон на кровать, не дослушав ответа невестки. В ушах стоял оглушительный звон. Но сквозь него пробивался один-единственный, кристально ясный и страшный вопрос: что заставило ее прагматичного, до педантич-

ности осторожного брата свернуть в темный переулок к обреченному на снос дому в час, когда он должен был быть со всем в другом месте? И этот вопрос был громче любого отчаяния. Он был зовом крови. Он был приказом. Она закончила одеваться на автомате, движения резкие, отрывистые. Пальцы не слушались, путались в молниях и пуговицах. Перед выходом Алёна на секунду застыла у зеркала в прихожей. Бледное, искаженное недоверием и ужасом лицо смотрело на нее. Она провела рукой по щеке, словно пытаясь стереть это выражение, вернуть все на круги своя. Не вышло.

В кармане пальца зазвонил телефон. Сердце екнуло – вдруг это ошибка? Вдруг Ольга все перепутала? Но на экране горело имя лучшей подруги, Кати.

– Алён, ты в курсе? – голос Кати был сдавленным, полным слез. – Я только в новостях увидела... Виталий... это правда?

Новости. Уже новости. Значит, правда. Окончательная, бесповоротная. Горло сжало тугим узлом.

– Правда, – выдавила Алёна, опираясь ладонью о холодную стену в прихожей. – Но это не случайность, Кать. Ни за что не поверю.

– Что? Что ты такое говоришь? Там же написано – ЧП, обрушение...

– Он там не должен был быть! – голос Алёны сорвался на крик, эхом раскатившийся по пустой квартире. Она зажмурилась, стараясь взять себя в руки. – Слушай, ты же пом-

нишь, мы вчера вечером переписывались? Я тебе скидывала смешной стикер про кота, часов в девять?

– Ну... да, примерно, – растерянно ответила Катя.

– Так вот. В девять он мне звонил. Сказал, что встреча затянулась, но он уже выезжает. Спросил, не нужно ли мне чего с того края города. Я сказала, что хочу круассанов из той пекарни на Оболенской. Он засмеялся и сказал: «Ладно, крокодильчик, заеду, раз пути совпадают». Пекарня на Оболенской, Кать! В ста метрах от «Берлоги»! С какой стати ему с Оболенской, где круассаны, тащиться на другой конец района, на Пересветов переулок?! Он что, специально поехал за тридевять земель за другим балконом?!

Ее слова неслись лавиной, горячие, почти истеричные. Но для нее самой они выстраивались в железную, неопровержимую логику. Маршрут ее брата был выверен, как шахматная партия. В нем не было места спонтанным блужданиям по трущобам. В трубке повисло ошеломленное молчание.

– Может... может, ему кто позвонил? Срочно понадобилось куда-то заехать? – неуверенно предположила Катя.

– Тогда почему он не предупредил? Не написал, что задерживается? Он всегда это делал. Всегда! – Алёна уже хватала ключи, сумку. – Он меня ждал, Кать! Ждал с этими дурацкими круассанами! А вместо этого пошел гулять по снежным кварталам. Так не бывает.

Она распахнула входную дверь. В лицо ударил холодный ночной воздух, пахнувший мокрым асфальтом и тоской.

– Я не знаю, что там случилось на самом деле, – тихо, но с непоколебимой уверенностью сказала Алёна в трубку. – Но моего брата заманили. Или заставили прийти туда. Это не несчастный случай. Это убийство.

И, бросив телефон в сумку, она выбежала на лестничную клетку, хлопнув дверь. Ей нужно было туда. На Пересветов переулок, к дому номер 15. Пока не приехали убирать ограждения, пока не смыло дождем все следы. Она должна была увидеть все своими глазами. Горе подождало. Его время еще придет. Сейчас его место заняла ярость и холодная, всепоглощающая уверенность.

Глава третья

Дверь в кабинет Марии Покровской открывалась тяжело, с тихим скрипом, словно неохотно впуская в свое пространство чужие проблемы. Алёна шагнула внутрь, и ее сразу обволокло запахом старой бумаги, крепкого кофе и легкой пыли, оседающей на всем, что не трогают месяцами. Кабинет был больше похож на архив или комнату затворника. Стеллажи, забитые папками, груды книг на подоконнике, карта города на стене, испещренная забытыми пометками. За простым деревянным столом сидела женщина. Лет пятидесяти, строгая, с седыми прядями в темных волосах, убранных в тугий узел. Взгляд из-под очков оценивающий, усталый, но цепкий. Взгляд человека, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-либо.

– Садитесь, – голос у Марии был низким, спокойным, без

эмоций. Она не поднялась навстречу, лишь указала на стул напротив. – Алёна Александрова? Говорите, чем могу помочь.

Алёна опустила на стул, сжимая ручки сумки так, что пальцы занемели. Она выложила все как на духу: звонок Ольги, нестыковку с маршрутом, круассаны, новости. Говорила быстро, сбивчиво, пытаясь вложить в слова всю свою боль и уверенность. Мария слушала молча, не перебивая. Сложив руки перед собой, она лишь изредка кивала, следя за логикой, отделяя факты от эмоций. Когда Алёна закончила, в кабинете повисло тяжелое молчание. Мария вздохнула, сняла очки и аккуратно протерла линзы салфеткой.

– Алёна, я вам искренне соболезную. Потеря брата это ужасно. Но то, что вы описываете... – она сделала паузу, выбирая слова. – Это классика. Отрицание, гнев, первая стадия принятия горя. Мозг ищет логику там, где ее нет, просто чтобы не сойти с ума от бессмысленности произошедшего.

– Это не отрицание! – вспыхнула Алёна. – Это факты! Он не должен был там быть!

– Возможно. Может, ему позвонил старый друг, живущий рядом. Может, он решил прогуляться, сменить обстановку, вспомнить молодость. Может, у него банально сел телефон, и он пошел более коротким путем, чтобы успеть к вам с этими круассанами. Версия полиции самая очевидная и, увы, самая вероятная. Дом аварийный, балконы там падают и без помощи киллеров.

Мария надела очки, и ее взгляд снова стал острым, профессиональным.

– Я понимаю ваше желание докопаться. Но мое дело не утешать и не поддерживать иллюзии. Мое дело искать истину там, где она есть. А здесь ее, скорее всего, нет. Это тупик. Я не могу взять с вас деньги за то, чтобы гоняться за призраками и подтверждать вашу теорию заговора. Это бессмысленно и жестоко по отношению к вам же.

Алёна слушала, и каждая фраза детектива обжигала, как удар хлыста. Она чувствовала, как ее последняя надежда ускользает, тонет в холодной воде здравого смысла. Она была всего лишь истеричной сестрой, которая не может принять правду. Отчаяние сдавило горло. Она опустила голову, глядя на свои побелевшие костяшки. И в этот момент ее взгляд упал на фотографию в рамке на столе Марии. Старая, потертая фотография. Молодая Мария в милицейской форме стоит рядом с таким же молодым мужчиной, оба смеются. А на заднем плане... на заднем плане высокий обрыв и река. И это стало последней спичкой, брошенной в бензин ее памяти. Алёна резко подняла голову. Слез не было. Была только сталь.

– Вы говорите о логике? Хорошо. Давайте о логике. – ее голос вдруг стал тихим и четким, заставившим Марию насторожиться. – Вы сказали «вышел на балкон». Верно? Так пишут в газетах. Так думает полиция.

Она сделала паузу, глядя детективу прямо в глаза.

– Мой брат, Виталий Александров, панически боялся высоты. С детства. До дрожи в коленках, до панических атак. Он не подходил к перилам выше второго этажа. Не мог заставить себя выйти на балкон в нашем доме, хотя мы живем на девятом. Он всегда стоял у двери, если нужно было что-то передать. В самолетах пил успокоительное и закрывал глаза на взлете и посадке. Это знали все, кто его хоть немного знал.

Мария перестала отвлекаться. Ее поза изменилась, стала собранной, сконцентрированной.

– И этот человек, – продолжала Алёна, – По версии полиции, сознательно вышел на балкон третьего этажа полуразрушенного, шатающегося дома? Подошел к самому краю? Чтобы полюбоваться видом на помойки? Или чтобы свеситься и посмотреть вниз?

Она язвительно выбросила эти вопросы в воздух, и они повисли в тишине кабинета, как ножи.

– Это противоречит самой его природе, – окончательно выдохнула Алёна. – Это все равно что утверждать, что профессиональный пловец утонул в луже, потому что поскользнулся. Он бы скорее умер от разрыва сердца, стоя в пяти метрах от этого балкона, чем сделал бы к нему даже шаг. Его заманили туда. Или заставили. Или он искал что-то, что было важнее страха. Но он никогда, вы слышите, НИКОГДА не вышел бы на тот балкон по своей воле.

Мария медленно откинулась на спинку стула. Она больше не смотрела на Алёну с жалостью или снисхождением.

Ее взгляд стал острым, заинтересованным, почти голодным. Она провела рукой по столу, словно ощупывая невидимые доказательства. Страх высоты. Фундаментальная, непреодолимая черта характера жертвы, полностью опровергающая официальную версию. Это был не эмоциональный всплеск. Это был факт. Козырь.

– Расскажите мне все еще раз, – тихо сказала Мария. Ее голос потерял прежнюю усталость. В нем появилась сталь. – И начните с этих круассанов. Не упускайте ни одной детали.

Молчание в кабинете стало иным. Оно было густым, наэлектризованным, как воздух перед грозой. Мария Покровская не отводила взгляда от Алёны. В ее глазах, всего несколько минут назад полных скептической усталости, теперь жил холодный, цепкий огонь профессионального интереса. Она медленно поднялась из-за стола, подошла к старой эмалированной кружке с отбитой ручкой и налила себе кофе из термоса. Не предлагая Алёне. Ее движения были точными, выверенными, будто она мысленно уже начала собирать пазл.

– Боязнь высоты... – проговорила она, возвращаясь к столу и пристально глядя на Алёну. – Акрофобия. Это серьезно. Вы абсолютно уверены? Не детская боязнь, которую он перерос? Не преувеличение?

– В семнадцать лет мы ездили с классом в горы, – тут же, без тени сомнения, ответила Алёна. – Была смотровая площадка, совсем не опасная, с крепкими перилами. Все подо-

шли к краю. Виталий остался у входа. Он был белым как мел, его трясло. Учительница думала, ему плохо. Я тогда впервые увидела это... этот животный ужас в его глазах. Он и в ЗАГСЕ на втором этаже к окну не подходит. Всегда садится спиной.

Мария кивнула, делая мысленную пометку. Она взяла чистый блокнот и дорогую перьевую ручку – странный контраст с обшарпанным кабинетом.

– Хорошо. Примем это как аксиому. Ваш брат не вышел бы на балкон добровольно. Значит, была причина. Весьма веская. —/— Она посмотрела на Алёну поверх очков. – Вы говорите, он звонил вам в девять и обещал заехать за круассанами на Оболенской. Это последний контакт?

– Да. Я перезванивала ему потом, часов в десять. Чтобы спросить, не забыл ли. Телефон не отвечал. Я подумала, что он за рулем или встреча затянулась.

– Отлично. Значит, между девятью и... когда произошло обрушение? – Мария посмотрела на часы, мысленно прикидывая. – Полиция сказала, его нашли около десяти. Балкон рухнул, скорее всего, минут за двадцать до этого.

– Значит, между девятью и без двадцати десяти что-то произошло. Что-то, что заставило его кардинально изменить планы, маршрут и пойти на поводу у своего главного страха. – Мария сделала первую запись в блокноте: «9:00 – звонок сестре, планы на круассаны». – Ключевой вопрос: что это было? Звонок? Сообщение? Встреча?

Она замолчала, уставившись в пространство перед собой. Алёна видела, как в глазах детектива шевелятся версии, строятся и рушатся логические цепочки.

– Вы сказали, у него была встреча с инвесторами в «Берлоге», – продолжила Мария. – Кто эти инвесторы? Все ли прошло гладко?

– Я не знаю... Виталий не любил говорить о работе дома. Но он вышел оттуда в хорошем настроении, раз звонил мне и шутил.

– Значит, срыв сделки или внезапная угроза бизнесу маловероятны как причина паники. – Еще одна пометка в блокноте. – Конкуренты? Недавние увольнения? Кто-то, кто мог держать на него обиду?

Алёна замялась.

– В бизнесе всегда есть конкуренты... Был один, Рогозин, они постоянно пересекались. И пару месяцев назад Виталий уволил менеджера, Антона Белова. Тот устроил скандал, угрожал... Но я не думаю...

– В моей практике «я не думаю» часто оказывалось ключом к разгадке, – сухо заметила Мария. – Запишите мне все имена. Всех, кто мог быть недоволен вашим братом. Коллеги, партнеры, бывшие сотрудники, друзья, родственники.

Тон ее не оставлял сомнений дело было принято. Алёна почувствовала, как с ее плеч сваливается тонна страшной, ледяной тяжести. Она не одна. Ее слышали. Ее поверили.

– Я не знаю, как вас отблагодарить, – прошептала она.

Мария подняла на нее строгий взгляд.

– Не благодарите. Я еще не начала работать. И предупреждаю путь будет неприятным. Мы будем копать в жизни вашего брата, в его секреты, в его грязном белье. Вы готовы узнать о нем то, что, возможно, не хотели бы знать? Увидеть его не только любящим братом, но и жестким бизнесменом, не самым образцовым мужем?

Алёна замерла, но через секунду твердо кивнула.

– Готова. Мне нужна правда. Только правда.

– Тогда вот ваше первое задание, – Мария оторвала листок из блокнота и протянула его Алёне. – Поговорите с женой. Не как с родственницей, а как с источником информации. Узнайте, не говорил ли он ей чего-то странного в последние дни. Не казался ли взволнованным, не заводил ли разговоров о опасности, о старых долгах, о каких-то тайнах. И постарайтесь сделать это до похорон. Пока шок не прошел и язык не присох намертво.

Алёна взяла листок. Рука больше не дрожала.

– Хорошо. Я сделаю.

– И Алёна, – голос Марии смягчился на полтона, – Будьте осторожны. Если это действительно было не случайностью, то кто-то уже отпраздновал свою победу. И он вряд ли обрадуется, если мы начнем ворошить прошлое.

Она проводила Алёну до двери, и та, выходя на прохладную лестничную клетку, почувствовала, что за ее спиной закрывается не просто дверь, а портал в другую реальность.

Реальность, где правда была опасной, а единственным проводником в ней была женщина с усталыми глазами и стальной волей.

Глава четвёртая

Рассвет застал Пересветов переулок в том же унылом виде. Дождь прекратился, оставив после себя лужи-зеркала, в которых отражалось серое, неприветливое небо. Желтая лента полиции обвивала подъезд дома №15, болтаясь на ветру как ненужный теперь новогодний серпантин. Мария припарковала свой невзрачный «Фольксваген» в переулке и, не спеша, окинула взглядом фасад. Ее вид, стоптанные ботинки, сумка через плечо – не вызывал вопросов. Скорее всего, ее бы приняли за сотрудницу ЖЭКа или какую-нибудь чиновницу из районной управы.

Она обошла ограждение, найдя разрыв в ленте рядом с заколоченным подвальным окном. Ловким движением пригнулась и проскользнула внутрь периметра. Действовала она спокойно, без тени азарта или страха. Рутинная работа. Воздух в подъезде был спертый и густо пропахшим затхлостью, мочой и размокшей штукатуркой. Под ногами хрустели осколки стекла. Мария остановилась на мгновение, давая глазам привыкнуть к полумраку, а носу к смраду. Ее взгляд упал на дверь квартиры на первом этаже. Взломанную. Следы от монтировки свежие, древесина вокруг замка была белой, не успевшей потемнеть от пыли. «Любопытно», – мелькнуло у нее в голове. Зачем кому-то ломиться в

квартиру дома, который вот-вот снесут?

Но ее цель была на третьем этаже. Она стала подниматься по лестнице, избегая провалившихся ступеней. На площадке третьего этажа было светлее, сказывалось отсутствие двери в квартиру, из которой вывалился балкон. Дверь тоже была выбита, но давно сколы на косяке запылились. Мария замерла на пороге. Перед ней зияла пустота, окаймленная рваным бетонным краем. На улице снова зашумел ветер, завывая в проеме. Она не подошла к краю, оставаясь в глубине комнаты. Ее внимание привлекло не то, что снаружи, а то, что внутри.

Комната была пуста. Голая бетонная коробка, засыпанная мусором, обрывками обоев. Но на толстом слое пыли, покрывавшей пол, четко виднелись следы. Не один набор, а несколько. Она достала из сумки мощный фонарик и направила луч на пол. Вот – четкие отпечатки мужских ботинок, 43-44 размер. Шли от двери прямо к проему. Глубокие, уверенные. Следы того, кто не боялся упасть. Следы Виталия? Но они слишком уверенные для человека, панически боящегося высоты. Он бы семенил, подходил бы мелкими, нерешительными шажками. А вот другие. Смазанные, широкие. Будто кто-то топтался на месте, перенося вес с ноги на ногу. Нервозные.

И третьи... Тонкие, почти изящные следы от женских туфель на каблуке-шпильке? Или от изящных мужских ботинок. Они шли не от входа, а из глубины квартиры, из коридо-

ра. И они были свежее – пыль под ними была менее утоптана. Мария нахмурилась. Значит, здесь был не только Виталий. И не только тот, кто его встретил. Кто-то пришел позже? Или вышел из другой комнаты? Она осторожно, чтобы не затоптать отпечатки, подошла к месту обрушения. Луч фонарика пополз по рваному краю плиты. Арматура торчала, как расщепленные кости. И тут ее глаз зацепила деталь.

Не все обломки лежали внизу, в куче под домом. Несколько крупных кусков бетона и пара отрезков арматуры были аккуратно, почти сложены штабелем у стены, в углу комнаты. словно их оттащили в сторону, чтобы расчистить проход. Или чтобы что-то найти. Она присела на корточки, рассматривая сложенные обломки. На одном из них, на серой бетонной поверхности, выделялось темное пятно. Не влажное, а скорее маслянистое, с матовым отливом. Мария достала из кармана перчатки, надела их и провела пальцем по пятну. Пальцы не запачкались. Пятно было старым. Но оно явно отличалось от всей окружающей грязи.

Потом ее взгляд упал на пол рядом со штабелем. Среди общего слоя пыли было небольшое, почти прямоугольное пятно, где пыль отсутствовала вовсе. Кто-то недавно поднял здесь что-то плоское и увел с собой. Ящик? Папку? Картину со стены? Но стены были голыми. Она снова подошла к краю пропасти, стараясь не смотреть вниз, а изучая то, что осталось от балкона. Места креплений. Срез был неровным, но в нескольких местах она различила странные, слишком уж

ровные линии. Не облом, а скорее... подпил? Ей показалось? Она прищурилась. Нет, не показалось. На двух прутьях арматуры были заметны тонкие, аккуратные борозды. Кто-то поработал болгаркой, чтобы ослабить конструкцию.

Сердце Марии забилось чаще. Это уже не было похоже на несчастный случай. Это было похоже на ловушку. Внезапно снизу донесся шум двигателя и хлопок двери. Мария мгновенно выключила фонарь и прижалась к стене, в тень. Внизу, у полицейских машин, появились два человека в рабочих комбинезонах. Они что-то кричали друг другу, раскуривая сигареты. Подрядчики, присланные, чтобы наконец начать работы по сносу. Осмотр закончен. Пора уходить. Она бросила последний взгляд на пыльный пол с его немymi свидетельствами, на аккуратно сложенные обломки, на зияющую дыру в полу. «Тебя заманили сюда, Виталий, – мысленно констатировала она. – И ты пришел не один. Кто-то встретил тебя. И кто-то пришел после, чтобы кое-что забрать».

Осторожно, как тень, она спустилась по лестнице и выскользнула из подъезда, растворившись в утреннем тумане прежде, чем рабочие успели ее заметить. В голове уже складывался новый план. Нужно было найти то, что пропало. И понять, чьи это изящные следы в пыли. Она вышла из подъезда, не оглядываясь, и сделала несколько шагов по мокрому асфальту, сливаясь с серым утром. В ушах еще стояла звенящая тишина пустой квартиры, а перед глазами – причудливый узор следов на пыльном полу. Ее «Фольксваген»

ждал там, где она его оставила. Мария села за руль, но не завела мотор сразу. Достала блокнот и, положив его на руль, быстро, почти иероглифическими значками, стала заносить наблюдения.

1. Следы: – Мужские, 43-44 р-р. Уверенные, к краю. (Виталий? Но не похоже на поведение акрофоба). – Смазанные, нервные. (Кто-то ждал? Волновался?). – Изящные, каблук-шпилька/узкий носок. Свежие. Из глубины квартиры. (Кто-то вышел из другой комнаты? Или вошел с черного хода? Зачем?).

2. Обломки. Сложены штабелем. Расчищен проход/искали что-то. – Пятно на бетоне – ? (масло, краска). Взять пробу. – Пятно на полу – отсутствие пыли. Забрали предмет (ящик, папка, конверт).

3. Крепления балкона. Возможный подпил (болгарка?). НЕ естественный износ.

4. Квартира 1 этаж. Свежий взлом. Связь?

Она оторвалась от блокнота, уставившись на руль, но не видя его. Мозг, соскучившийся по настоящей работе, лихорадочно перебирал варианты. Следы говорили о минимум трех людях. Виталий, судя по всему, пришел на встречу. С кем? Тот, кто волновался (нервные следы)? Или тот, кто вышел из глубины квартиры (изящные следы)? А может, это был один человек, который сначала нервно ходил, а потом сменил обувь? Бред. И главный вопрос: что искали или забрали после обрушения? Тот, кто оставил свежие, изящ-

ные следы. Значит, этот «кто-то» знал, что балкон рухнет? Или пришел сразу после, чтобы воспользоваться суматохой и обыскать место до приезда полиции?

Мария завела машину и медленно тронулась, выезжая из переуллка. Ей нужно было поговорить с Алёной. Узнать, не пропало ли что-то у брата? Может, он говорил о каких-то документах, чертежах, флешке? О чем-то, что могло быть спрятано в старом доме. И еще... Свежий взлом на первом этаже. Это могло быть случайностью, например бомжи искали место для ночлега. Но был подозрительным. Что, если кто-то искал то же самое, но не в той квартире? Или обеспечивал себе тыл, запасной выход? Она набрала номер Алёны, но положила трубку, не дождавшись гудка. Слишком рано. Девушка, скорее всего, не спала всю ночь и сейчас, возможно, ненадолго забылась тяжелым сном. Пусть поспит. Вместо этого Мария свернула в сторону и через десять минут остановилась у невзрачного здания с вывеской «Хим. лаборатория №3». Она позвонила в домофон, назвалась и через минуту вошла внутрь. За столом в крошечном приемной сидел лысеющий мужчина в заляпанном халате.

– Мария Сергеевна? Давно не виделись. С чем пожаловали?

Она протянула ему маленький пакет, в который аккуратно соскребла частицу того самого темного пятна с обломка.

– Петрович, привет. Срочно, друг мой. Нужно понять, что это. И есть ли в составе что-то... необычное. Отпечатки, ес-

ли повезет, но вряд ли.

Петрович взял пакет, повертел в руках.

– Масло, краска, смола... Что-то новое нашли?

– Возможно, – уклончиво ответила Мария. – Сколько будет готовиться?

– Час-два. Зайдите попозже.

Выйдя из лаборатории, Мария наконец позволила себе чашку кофе в ближайшей забегаловке. Горячий, обжигающий глоток вернул ощущение реальности. Дело, которое вчера казалось ей бредом сумасшедшей девушки, обретало плоть. Слишком много странностей. Слишком много совпадений. Она снова открыла блокнот и обвела кружком пункт «Изящные следы». Это было ключевое. Тот, кто оставил эти следы, был там после падения балкона. Возможно, даже видел тело. И он что-то забрал. Что-то важное. И этот кто-то, скорее всего, и был убийцей.

Глава пятая

Особняк Александрова поражал не столько роскошью, сколько безупречной, стерильной точностью, с которой была выверена каждая деталь. Дом-картинка, дом-постановка. Даже траурные венки у входа, присланные партнерами по бизнесу, были расставлены с холодной симметрией. Мария стоя у массивной дубовой двери, чувствовала себя не в своей тарелке. Ее практичный плащ и стоптанные ботинки казались здесь инородным телом, пятном на безупречном фасаде благополучия. Дверь открыла сама Ольга Александровна.

ва. Как будто она стояла за ней все это время, ожидая. Она была одета в строгое черное платье, идеально сидевшее на ее худощавой фигуре. Лицо бледное, красивое, с идеально подведенными глазами, в которых не читалось ни слез, ни горя. Только усталость и легкая досада.

– Войдите, – ее голос был ровным, без колебаний. – Алёна предупредила, что вы придете.

Она не протянула руку для знакомства, просто отступила, пропуская Марию в холл с мраморным полом и хрустальной люстрой, занимавшей полпотолка. Воздух был густым и неподвижным, пахнувшим дорогими духами и тишиной.

– Приношу свои соболезнования, – сказала Мария, соблюдая формальность. Ее взгляд скользнул по интерьеру, фиксируя детали: дорогие безделушки на консоли, портрет самой Ольги в модной авангардной манере, отсутствие каких-либо следов мужского присутствия. Этот дом был ее территорией, ее миром, в котором Виталий, судя по всему, был лишь временным постояльцем.

– Спасибо, – ответила Ольга механически. – Чай? Кофе? Или вы по делу?

Она прямо с порогу дала понять, что церемонии излишни.

– По делу, - кивнула Мария. – Я помогаю Алёне разобраться в некоторых... нестыковках произошедшего.

– Каких нестыковках? – бровь Ольги едва заметно поползла вверх. – Все предельно ясно. Грустно, нелепо, но ясно. Мой муж стал жертвой халатности коммунальных служб. Вот и

все.

Она произнесла это с такой ледяной окончательностью, словно закрывала обсуждение.

– Возможно, – не стала спорить Мария. – Но у Алёны есть сомнения. И как сестра, она имеет право их прояснить.

– Конечно, – Ольга сделала жест рукой, приглашая пройти в гостиную. Ее движения были плавными, отрепетированными. И именно в этот момент, когда свет от огромного окна упал на ее руку, Мария увидела это.

На безымянном пальце левой руки, рядом с обручальным кольцом, сверкало новое, ослепительно яркое кольцо с крупным бриллиантом. Оно было массивным, дорогим, кричаще роскошным. Память Марии, ее главный инструмент, сработала мгновенно. Просматривая вчера соцсети семьи перед встречей с Алёной, она видела фото Ольги. Недельной давности. На том снимке она позировала с бокалом вина на фоне этого же камина. И на той руке было только скромное обручальное кольцо. Новое кольцо появилось после смерти мужа. Мария села в кожаное кресло, продолжая сохранять невозмутимое выражение лица.

– Скажите, Ольга Игоревна, не замечали ли вы в последние дни за мужем чего-то необычного? Был ли он взволнован? Может, опасался кого-то или чего-то? Получал странные звонки?

Ольга села напротив, выпрямив спину.

– Виталий всегда был занят. Его бизнес – это постоянный

стресс. Взволнован? Возможно. Но он не делился со мной рабочими моментами. Мы... у нас были свои сферы жизни.

— А как насчет его страха высоты? — спросила Мария, внимательно следя за реакцией женщины.

— Его что? — на лице Ольги впервые промелькнуло искреннее недоумение. — Какой высоты? Он летал на вертолетах на горнолыжные курорты. У нас пентхаус в Сочи с панорамными окнами от пола до потолка. Какая высота?

Ответ был настолько естественным и недоумевающим, что Мария на секунду задумалась. Алёна могла ошибаться? Или Ольга настолько не интересовалась мужем, что не знала о его фобии?

— Ясно, — кивнула Мария, делая мысленную пометку. — Простите за бестактный вопрос, но... не возникало ли у вас мыслей о том, что его смерть могла быть... не случайной?

Ольга взглянула на нее с холодным презрением.

— Вы имеете в виду самоубийство? — она произнесла это слово с легкой гримасой, будто пробуя его на вкус и находя неприятным. — Это исключено. Виталий обожал жизнь. Всю ее. И все ее удовольствия. У него были грандиозные планы. Нет, детектив, это был несчастный случай. Трагическая и идиотская случайность.

Ее слова звучали убедительно. Слишком убедительно. Слишком отрететировано. Мария позволила себе бросить еще один взгляд на кольцо.

— Это прекрасное украшение, — заметила она нейтраль-

но. – Семейная реликвия?

Ольга на секунду замерла, затем ее рука непроизвольно опустилась, скрываясь в складках платья.

– Нет. Просто подарок.

– Она резко поднялась.

– Простите, но у меня много хлопот, связанных с... похоронами. Если у вас больше нет вопросов...

На этом аудиенция была окончена. Мария поблагодарила и вышла под холодное осеннее солнце. Стоя у ворот, она достала телефон и снова нашла то фото в соцсетях. Недельная давность. Рука с бокалом. Только обручальное кольцо. «Просто подарок», мысленно повторила Мария слова Ольги. Кто дарит вдове на второй день после гибели мужа кольцо с бриллиантом размером с горошину? Или, что более вероятно, кто-то поспешил сделать «подарок» самой себе, едва тело мужа успело остыть? Ледяная вдова, не знающая о фобии мужа и уже примеряющая на себя роль богатой наследницы. Очень мотивированный подозреваемый. Мария медленно шла к своей машине, засунув руки в карманы плаща. Холодный прием Ольги не был неожиданностью, но ее откровенная отстраненность и то новое кольцо... Это было слишком кричаще, даже для безутешной, по ее словам, вдовы. Она села в машину, но не завела мотор, уставившись на строгий фасад особняка. Мозг работал на высоких оборотах, выстраивая и тут же отбрасывая версии.

Версия первая: Ольга убийца. Мотив деньги. Огромная

страховка, наследство. Но как? Она физически не могла сама организовать обрушение балкона. Значит, был сообщник. Тот, кто разбирается в строительстве. Или тот, кто нанял таких людей. Но тогда зачем ей самой появляться на месте после и оставлять следы? Рисковать? Не в ее стиле. Слишком прямолинейно. Версия вторая: Ольга не убийца, но прекрасно осведомлена, что это было убийство. И она этим убийством довольна. Отсюда – холодность, отсутствие горя, и новое кольцо как акт преждевременного празднования. Возможно, она даже знает, кто заказчик, и с нетерпением ждет, когда деньги потекут рекой. Но опять же, зачем ей появляться на месте? Чтобы убедиться, что все прошло по плану? Или... чтобы что-то забрать?

Мысль зацепилась за этот крючок. Чтобы что-то забрать. Изящные следы в пыли. Женские. Или мужские, но от дорогой, стильной обуви. Ольга как раз могла носить такую. Мария достала телефон и набрала номер Алёны. Та ответила почти сразу, голос хриплый от бессонницы, но собранный.

– Мария Сергеевна? Вы ее видели?

– Видела, – ответила Мария. – У меня к вам странный вопрос. Ваша невестка... она носит украшения с бриллиантами? Крупные, броские?

В трубке повисло недоуменное молчание.

– Ольга? – прозвучало наконец. – Нет, никогда. Она предпочитает платину, белое золото, но без камней. Говорит, что бриллианты – это безвкусица нуворишей. У нее было одно

кольцо с сапфиром, подарок брата на юбилей. Почему?

– Просто цирк, – уклончиво сказала Мария, мысленно отмечая про себя: «Нувориш. Именно так она теперь себя и чувствует». – И еще вопрос. После смерти брата, может, пропало что-то из его вещей? Из домашнего офиса? Какие-то документы, флешки, записные книжки?

Алёна задумалась.

– Не знаю... Я не была у них дома после... после того как все случилось. Но Виталий хранил самые важные документы в сейфе. Домашнем и в офисе. Почему вы спрашиваете?

– Пока не знаю. Возможно, ничего, – Мария смотрела на особняк и представляла себе Ольгу, которая в эти самые минуты, возможно, перебирает бумаги мужа в поисках чего-то. – Алёна, будьте на связи. И... постарайтесь ненароком выяснить, не появлялась ли Ольга вчера вечером где-то не по плану. Может, она куда-то отлучалась, говорила, что задерживается.

– Вы думаете, она причастна? – голос Алёны дрогнул.

– Я думаю, что она что-то знает. Или что-то получила от случившегося. И не только в финансовом плане.

Она попрощалась и положила трубку. Ольга была холодной, расчетливой женщиной. Но была ли она убийцей? Пока что она выглядела скорее стервятником, кружащим над добычей, чем охотником. Но стервятники чуют кровь за версту. Значит, кто-то пролил эту кровь. И Ольга, возможно, знала, кто. Мария завела мотор. Следующая остановка –

офис «Александрова и Колосова». Нужно было узнать, что за дела были у Виталия в последние дни и не светились ли в них подозрительные «подарки» для его жены. Или, может, для кого-то еще. Особняк в зеркале заднего вида уменьшался, сверкая стерильными окнами. Он выглядел как надгробие. И его хозяйка, как главная плакальщица на своих же собственных поминках по прошлой жизни.

Глава шестая

Офис компании «Александров и Колосов» располагался в современном бизнес-центре с хромированными деталями и панорамным остеклением. Все здесь дышало успехом, деньгами и холодной, бездушной эффективностью. Контраст с тем, что творилось в душе у одного из двух «и» в названии компании, был разительным. Сергея Колосова Мария застала в его кабинете. Он не сидел за своим массивным кожаным столом, а стоял у окна, глядя на раскинувшийся внизу город. Его спина, одетая в дорогой, но помятый костюм, выражала такое отчаяние, что Мария на мгновение задержалась у двери, давая ему время прийти в себя. Услышав шаги, он обернулся. Его лицо было серым, осунувшимся, глаза красными от бессонницы или слез. В нем не было и тени того напора и уверенности, которые должны были быть у успешного соучредителя растущей компании.

– Мария Покровская? – его голос был хриплым, тихим. – Алёна предупредила. Проходите. Извините за вид...

Он бессильным жестом указал на беспорядок на столе: ки-

па бумага, пустая кофейная чашка, разбросанные ручки.

– Ничего страшного, – Мария села в кресло напротив. – Приношу свои соболезнования. Я понимаю, вы были не только партнерами.

Колосов сжал веки, словно пытаюсь унять боль.

– Друзьями. С института. Вместо гор строили... это, – он махнул рукой вокруг, но в его жесте не было гордости, лишь горькая усталость. – И вот...

Он не договорил, снова отвернувшись к окну.

– Вы помогаете Алёне? Она сказала, что вы... что вы не верите в случайность?

– Я проверяю все версии, – мягко поправила его Мария. – Для этого мне нужно понять, что происходило с Виталием в последние дни. Не замечали ли вы за ним чего-то необычного? Может, он был чем-то напуган, взволнован? Кто-то угрожал?

Колосов горько усмехнулся, все еще глядя в окно.

– Нам угрожали постоянно, Мария Сергеевна. Это бизнес. Особенно когда ты наступаешь на пятки таким акулам, как Рогозин. Но последние пару недель... Да, Виталий был не в себе.словно на него давили. Очень сильно.

Он наконец повернулся и тяжело опустился в свое кресло.

– У нас была одна крупная сделка. Очень крупная. С инвесторами из Азии. Мы работали над ней полгода. Все было почти готово, но в последний момент все рухнуло. Наши потенциальные партнеры неожиданно отказались от подпи-

сания без внятных объяснений.

– Что случилось? – спросила Мария.

– А кто его знает! – Колосов с отчаянием провел рукой по лицу. Формально – они нашли более выгодное предложение. Но я уверен, что кто-то поработал на опережение. Слишком уж все было гладко, и слишком уж резко все закончилось. Виталий был в ярости. И... в панике. Мы вложили в подготовку этой сделки почти все свободные средства. И взяли несколько краткосрочных кредитов под личные гарантии. Провал означал серьезные финансовые проблемы.

Мария мысленно отметила: мотив для самоубийства? Но Алёна утверждала, что брат был в хорошем настроении вечером того дня. И Колосов говорил о страхе, а не о отчаянии.

– Вы упомянули Rogozina. Он мог быть причиной этого срыва?

– Конечно! – Колосов оживился, в его глазах вспыхнул огонек. – Дмитрий Rogozin беспринципная гнида. Он не раз пытался переманить наших ключевых сотрудников, воровать идеи, давить через чиновников. Эта сделка была для него как кость в горле. Если бы мы ее заключили, мы бы вышли на новый уровень и стали для него серьезной угрозой. Он сделал бы все, чтобы ее сорвать.

– Были ли у Виталия конфликты с кем-то еще? Может, с кем-то из сотрудников? – Мария осторожно нащупывала почву.

Колосов помрачнел.

– Было одно неприятное увольнение. Пару месяцев назад. Антон Белов, ведущий инженер. Талантливый парень, но с тяжелым характером. Виталий уволил его за срыв важного проекта. Белов устроил сцену, кричал, что мы пожалеем, что он нас уничтожит. Но это было давно. И он... он не из тех, кто может на такое пойти.

«Уволил... уничтожу...» – мысленно повторила Мария. Еще один имя в списке. Еще один мотив -мечь.

– Скажите, а как Виталий относился к риску? К опасности? – спросила она, возвращаясь к главному.

– Он был расчетлив. Прагматик до мозга костей. Никогда не лез на рожон. Всегда просчитывал варианты. Почему?

Мария проигнорировала вопрос.

– А как насчет его личной жизни? Все было хорошо с женой?

Лицо Колосова снова стало замкнутым.

– Ольга? – он произнес это имя с легкой усмешкой. – У них был свой договор. Она красивая картинка для соцсетей и светских раутов. Он финансировал эту картинку. Любви там не было давно. Но Виталий не был бы Виталием, если бы не просчитал и это. Брачный контракт был железным.

Значит, развод не сулил Ольге ничего хорошего. А вот смерть мужа... Мария снова вспомнила бриллиант на ее пальце.

– Спасибо, Сергей, вы мне очень помогли, – Мария поднялась. – И еще раз примите мои соболезнования.

Колосов кивнул, снова погружаясь в свое оцепенение.

– Найдите того, кто это сделал, – тихо сказал он ей вслед. – Если это действительно был не несчастный случай. Он не заслужил умереть так... в грязи, под обломками какого-то барака.

Выходя из офиса, Мария суммировала услышанное. Давление со стороны конкурента. Финансовая яма после провала сделки. Возможная месть уволенного сотрудника. Холодный, расчетливый брак. Виталий Александров был человеком, зажатым в тиски. С нескольких сторон. И тиски эти сжимались. Кто-то из тех, кто давил, мог перейти от угроз к действиям. Или сам Виталий, загнанный в угол, решился на какой-то отчаянный шаг. Который и привел его на тот злополучный балкон.

Мария вышла из бизнес-центра, и осенний ветер резко ударил ей в лицо, отвлекая от мрачных мыслей. Она стояла на оживленной улице, но не видела ни машин, ни людей. Перед ее глазами стояло изможденное лицо Колосова и звучали его слова: «...взяли несколько краткосрочных кредитов под личные гарантии. Провал означал серьезные финансовые проблемы». Финансовые проблемы. Это меняло все. Это могло быть ключом. Она достала телефон и набрала номер своего старого знакомого из банковской сферы.

– Борис, здравствуй, это Покровская. Мне нужна информация по одному юрлицу. ООО «Александров и Колосов». Интересует кредитная история за последние полгода. Осо-

бенно краткосрочные займы, возможно, под залог личного имущества учредителей. Да, срочно. Я жду.

Пока Борис копался в базах, мозг Марии выстраивал новую цепь. Провал сделки. Кредиты. Давление. Виталий, загнанный в угол, мог пойти на риск. На какой? Она вспомнила про свежий взлом в квартире на первом этаже. Что, если Виталий использовал тот расселенный дом не для встречи, а как тайник? Время было тяжелое, возможно, он прятал что-то от кредиторов, от партнеров, даже от жены. Что-то ценное. Документы? Деньги? Компромат? И кто-то об этом узнал. Тот, кому он был должен. Или тот, кто хотел этим завладеть.

Звонок телефона прервал ее размышления.

– Мария Сергеевна? Это Борис. По вашему запросу... Дела у ваших «Александрова и Колосова» действительно не ахти. Они брали три крупных кредита в разных банках под залог своих долей в компании и, что интересно, под залог личной недвижимости. Квартира Александрова, загородный дом... Все висит на волоске. Но это еще не все.

Он сделал паузу, понизив голос.

– Были еще частные займы. Очень крупные. От одного и того же юридического лица-однодневки. Срок по одному из них истек как раз на прошлой неделе. Проценты грабительские. Такие обычно берут, когда больше негде.

– От кого эта однодневка? Можно выяснить бенефициа-

ра? – спросила Мария, чувствуя, как учащается пульс.

– Я попробую покопать, но это сложно. Чаще всего такие конторы записаны на бомжей или умерших. Но сумма... сумма огромная. Если ваш Александров не вернул долг, у него были очень серьезные проблемы.

Серьезные проблемы. Угроза банкротства, потери всего имущества. Мотив для отчаяния. Или... мотив для кого-то, кому он был должен, убрать его и попытаться выбить долг с оставшегося партнера или через страховку. Мария поблагодарила Бориса и положила трубку. Теперь у нее было новое направление. Теневая финансовая схема. Долги. И вероятный кредитор, который не стеснялся в методах. Она посмотрела на высотку бизнес-центра, где в своем кабинете у окна мучился Сергей Колосов. Знает ли он о частных займах? Или Виталий действовал в одиночку, пытаясь спасти положение и загоняя себя в еще более глубокую яму? Возможно, именно на встречу с кредитором или чтобы забрать что-то из тайника для него Виталий и пошел на Пересветов переулок. И там его ждал не собеседник, а заранее подготовленная ловушка.

Нужно было срочно выяснить, кому принадлежала та самая фирма-однодневка. И снова поговорить с Колосовым. Но на этот раз задать более жесткие вопросы о деньгах. А еще... проверить, не получал ли кто-то из подозреваемых, тот же Рогозин или даже холодная Ольга, крупные суммы в последнее время. Вдруг долг Виталия уже начали возвра-

щать таким зловещим способом.

Глава седьмая

Рогозин-Холдинг занимал верхние этажи башни из стекла и стали, которая была на голову выше того бизнес-центра, где ютилась компания Виталия. Все здесь кричало о деньгах, власти и полном пренебрежении к тем, кто ниже, медленнее, слабее. Марию провели в кабинет Дмитрия Рогозина через серию приемных, где ассистенты с идеальными макияжами и ледяными улыбками щелкали клавиатурами, не поднимая глаз. Сам кабинет был размером с квартиру и напоминал музей современного искусства: минимализм, дорогие материалы и пара бесформенных, но явно очень ценных металлических скульптур по углам.

За массивным столом из черного дерева сидел сам Рогозин. Мужчина лет пятидесяти, с густыми посеребренными сединой волосами, загорелым лицом и пронзительными голубыми глазами, которые смотрели на мир с выражением легкой, привычной скуки. На нем был идеально сидящий костюм без галстука. Он не встал, когда Мария вошла, лишь жестом указал на кресло напротив.

– Мария Покровская, – произнес он ее имя, растягивая гласные, будто пробуя на вкус. – Частный детектив. Какими судьбами ко мне пожаловали? Ищите кого-то из моих сотрудников?

Его улыбка была широкой и абсолютно фальшивой.

–Я расследую обстоятельства смерти Виталия Алексан-

дрова, – прямо сказала Мария, садясь. Она не стала тратить время на светские любезности. С такими, как Рогозин, это было бесполезно.

Лицо Рогозина изобразило нечто среднее между соболезованием и насмешкой.

– Ах, да... Трагическая история. Балкон. Ветхое жильё – бич нашей страны. Жаль парня. Талантливый был, амбициозный. Но безрассудный.

Он покачал головой, делая вид, что горюет.

– Безрассудный? – переспросила Мария. – В чем это проявлялось?

– О, в много чем! – Рогозин развел руками, его взгляд скользнул по скульптуре за спиной Марии, явно находя ее более интересной. – Лез на амбразуру. Брался за проекты, которые ему не по зубам. Конкурировал не по чину.

Он произнес это последнее слово с особой ядовитостью.

– Например, сделку с азиатскими инвесторами? – вставила Мария.

Глаза Рогозина на мгновение метнулись к ней, в них мелькнул острый, хищный интерес, но тут же погасли, спрятавшись за маской равнодушия.

– Возможно. Не следил за успехами коллег. Но слышал, что у него там не сложилось. Жаль. Очень жаль.

Его тон был настолько пренебрежительным, что у Марии сжались кулаки.

– Вы не считаете, что его смерть была на руку некоторым

его конкурентам? – спросила она, глядя ему прямо в глаза.

Рогозин громко рассмеялся. Звук был резким, неприятным.

– Детектив, вы смотрите слишком много плохих сериалов. Бизнес – это не война. Это игра. Александров проиграл. Самоустранился. – Он сделал паузу, наслаждаясь собственным цинизмом. – Освободил место для более сильных игроков. Естественный отбор.

– Самоустранился? – переспросила Мария, и в ее голосе впервые прозвучала сталь. – Вы действительно считаете, что человек добровольно идет под обрушивающийся балкон?

Рогозин пожал плечами, его лицо снова стало серьезным, но в глазах злой огонек.

– Кто знает, что творилось у него в голове? Говорят, у него были... финансовые затруднения. Большие. Когда дела идут так плохо, некоторые предпочитают выпрыгнуть из окна. Он просто выбрал балкон. Более эффектно.

Он знал. Он знал о долгах Виталия. И он явно получал от этого удовольствие.

– Вы очень хорошо осведомлены о состоянии его дел, – заметила Мария.

– Я осведомлен о состоянии дел на рынке, детектив, – поправил он ее, снова улыбаясь своей холодной улыбкой. – Это моя работа. И моя страховка от подобных... несчастных случаев. Он встал, давая понять, что аудиенция окончена.

– Если на этом все? У меня через пять минут совещание

с советом директоров. Мы как раз будем обсуждать... новые активы, которые внезапно оказались на рынке.

Он проводил ее до двери кабинета, положив руку ей на плечо. Прикосновение было тяжелым, властным, не оставляющим пространства для возражений.

– И передайте мои соболезнования его семье. Особенно его очаровательной вдове. Надеюсь, она найдет утешение в... наследстве.

Дверь закрылась за ее спиной, оставив Марию в стерильной тишине приемной. Она медленно пошла к лифту, чувствуя на себе взгляд его ледяных голубых глаз даже сквозь стену. Рогозин был мерзавцем. Самодовольным, циничным и опасным. Он знал о слабостях Виталия и не скрывал своего удовлетворения от его падения. Но был ли он убийцей? Или просто стервятником, кружащим над добычей, которую завалил кто-то другой? Его фраза про «самоустранился» и «естественный отбор» звучала как оправдание. Как попытка выставить себя не причастным, а просто наблюдателем, который предвидел финал. Но чтобы предвидеть такой финал, нужно было знать очень многое. Возможно, даже больше, чем просто о финансовых проблемах.

Лифт плавно спустился вниз, и двери разъехались с тихим шипением. Мария вышла в мраморный вестибюль, но не направилась к выходу. Ее гнал вперед не холодный ветер с улицы, а ледяной привкус ярости, оставшийся после встречи с Рогозиным. Его слова, его насмешка, его намек на Оль-

гу... Все это крутилось в голове, складываясь в уродливую, но пока еще неясную картину. Она остановилась у огромного окна, за которым кипела жизнь города, и достала телефон. Ее пальцы сами собой набрали номер Алёны.

– Мария Сергеевна? – голос Алёны прозвучал тревожно. – Что-то случилось?

– Я только что вышла от Рогозина, – сказала Мария, глядя на свое отражение в стекле. Ее собственное лицо казалось ей чужим, напряженным. – Твой брат был прав. Это акула.

Она коротко пересказала суть разговора, опуская самые ядовитые детали, но не смягчая общую картину цинизма и самодовольства.

– «Самоустранился»... – с ненавистью прошептала Алёна в трубку. – Как он смеет...

– Он смеет, потому что уверен в своей безнаказанности, – холодно констатировала Мария. – Но он знал о финансовых проблемах Виталия. Слишком хорошо знал. И, похоже, был к ним причастен. Тот срыв сделки с азиатами... я почти не сомневаюсь, что это его рук дело.

Она замолчала, переваривая собственную мысль. Рогозин был заинтересован в банкротстве Виталия. Но в его смерти? Смерть партнера могла запустить сложные процессы с наследством, долгами, в которые он, Рогозин, мог и не успеть вмешаться. Проще было добить компанию, выкупить ее активы за копейки... Убийство было слишком рискованным, слишком громким методом для такого расчетливого челове-

ка. Или нет?

– Алёна, – голос Марии стал жестким. – Ты говорила, Виталий боялся высоты. А боялся ли он чего-то еще? Конкретных людей? Например, Rogozina?

В трубке повисло молчание.

– Он его не боялся. Он его ненавидел. И презирал. Говорил, что Rogozin бандит в дорогом костюме. Но... – она запнулась. – Пару недель назад, когда у них начались проблемы с той самой сделкой, Виталий как-то обмолвился по телефону... Я случайно подслушала. Он сказал кому-то: «Если Rogozin думает, что я сдамся, он ошибается. У меня есть на него кое-что. И если что, это станет известно всем».

У Марии перехватило дыхание.

– «Кое-что»? Он не уточнил, что именно?

– Нет. Я тогда не придавала значения. Думала, что это просто злость на пустом месте...

Но это было не на пустом месте. У Виталия был компромат на Rogozina. И он был готов им воспользоваться. Это меняло все. Теперь у Rogozina был не просто мотив убрать конкурента. Был мотив заставить его замолчать навсегда. Компромат... Что это могло быть? Взятничество? Связи с криминалом? Нелегальные схемы? И где Виталий его хранил? В сейфе? Копия могла быть и в тайнике. В том самом доме на Пересветова. Возможно, Виталий пошел туда, чтобы забрать его. Чтобы припугнуть Rogozina в последний раз. Или чтобы передать кому-то – журналисту, правоохранителям. Но кто-

то его опередил.

Мария вспомнила насмешливый взгляд Рогозина, его фразу: «Освободил место для более сильных игроков». Он был слишком спокоен. Слишком уверен. Как человек, который не просто знает о смерти конкурента, а знает, что тайна умерла вместе с ним.

– Алёна, – быстро сказала Мария, уже поворачиваясь к выходу. – Вспомни все, что можешь, о том разговоре. Каждое слово. И спроси Колосова, знал ли он о том, что у Виталия был какой-то «козырь» против Рогозина.

– Хорошо, – голос Алёны стал решительным. – А вы?..

– Я иду по одному следу, – ответила Мария, выходя на улицу и лоя взмахом руки такси. Ей нужно было срочно вернуться в тот дом. Осмотреть его еще раз. Уже зная, что она ищет. Не просто какие-то документы. А оружие. Оружие против очень могущественного человека.

И если это оружие забрал тот, кто оставил изящные следы в пыли, то теперь оно могло быть использовано против них всех.

Глава восьмая

Такси довезло Марию до района старой застройки, но она вышла не на Пересветовом переулке, а двумя кварталами дальше, в тихом скверике с облезлой скамейкой и голыми деревьями. Ей нужно было успокоить дыхание и привести в порядок мысли, прежде чем снова нырять в кроличью нору. Компромат на Рогозина. Если он существовал, его следова-

ло искать не только в пыли разрушенного дома, но и в его истории. Кто владел им? Кто должен был его сносить? И почему этот снос так затянулся? Она достала телефон. Первый звонок был в муниципальный департамент строительства и архитектуры. Старые связи, к счастью, еще не совсем порвались.

– Людмила Петровна, здравствуйте, это Покровская. Да, давно не звонила. Извините за беспокойство, мне нужна информация по одному аварийному дому. Пересветов переулок, 15. Расселен, готовится под снос. Кто подрядчик? И почему он до сих пор стоит?

На том конце провода послышался усталый вздох и щелканье клавиатуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.